

Постпамять: от ресентиментного мышления к дискурсивной этике травмы

Научный руководитель – Скворцов Алексей Алексеевич

Котунова Ольга Владимировна

Сотрудник

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра этики, Москва, Россия
E-mail: olgamylene@gmail.com

Постпамять — один из ключевых терминов для современных коммеморативных исследований. М. Хирш, автор термина, даёт ему следующее определение: «“Постпамять” описывает отношения, которые “поколение после” выстраивает с личной, коллективной и культурной травмой тех, кто жил до них, — с теми переживаниями и опытом, что они “помнят” только посредством историй, изображений и поступков, среди которых они выросли» [1]. По своей сути это новая методологическая рамка для интерпретации старой, знакомой еще со времен М. Хальбвакса проблемы функционирования форм коллективной памяти.

Концепция постпамяти зародилась в рамках осмысления коммеморативных практик вокруг феномена Холокоста, но со временем расширила свои границы: объектом исследования теперь выступает любое трудное или травмирующее прошлое. Если раньше исследования опирались в основном на семейную память, то сегодня в области их рассмотрения находится память как локальных сообществ, так и целых поколений, не обязательно сводимых к единому географическому пространству. Например, колониальная постпамять объединяет потомков коренного населения Северной Америки и Индии или же потомков тоталитарных и авторитарных режимов стран Африканского континента и Южной Америки.

Концепцию постпамяти можно рассмотреть в оптике трех философских традиций: структуралистской, феноменологической и психоаналитической. В случае феноменологического подхода постпамять оказывается особой порождающей структурой, которая оперирует многообразием форм опосредования и подразумевает активное социальное взаимодействие. В случае феноменологического подхода особое внимание уделяется тем необычным формам «непережитого» опыта, который оказывается в состоянии дескриптивно зафиксировать постпамять. В случае психоаналитического подхода постпамять может пониматься как «травматический перенос». Именно в рамках психоаналитического подхода оказывается возможным сравнить между собой понятия постпамяти и ресентимента на общем основании.

В повседневном французском языке слово «ressentiment» употребляется для обозначения воспоминания, которому сопутствует сильный аффект. Ф. Ницше в своей работе «К генеалогии морали» переопределяет термин: значение смещается, особый акцент делается на реактивности, ответном характере воспоминания по отношению к внешним раздражителям [2]. Внешним раздражителем чаще всего выступает другой участник воспоминания. Между вспоминающим (носителем ресентимента) и этим участником установлены принципиально неравные отношения — другая сторона оказывается источником травматического опыта. У Ф. Ницше эти неравные отношения представлены дуальной оппозицией господина и раба.

Раб может возвращаться к травмирующим воспоминаниям даже в отсутствие господина, достаточно лишь символического упоминания о нем или связанной с ним ассоциации — так возвращение оформляется в регулярные повторяющиеся практики и продолжает

существовать в виде культа. Ресентимент складывается в сложную систему с активными творческими функциями — например, оказывается способен к формированию ценностей и потому у Ф. Ницше служит отличительной чертой морали рабов.

Как можно заметить, ресентимент и постпамять схожи во многих характеристиках: оба понятия отражают особый механизм работы памяти, замкнутый на травматическом опыте. В сущностном плане ресентимент и постпамять являются порождающими структурами, они коммуникативны и активно используют сферу воображаемого. В функциональном плане постпамять и ресентимент заняты творческой переработкой травматического наследия, которое со временем не утрачивается и не отстывает. За счет того, что в психоанализе принято называть фиксацией, травма служит неким неиссякаемым источником и вечным двигателем, позволяющим структуре действовать в настоящем.

Тем не менее М. Хирш видит в постпамяти большой позитивный потенциал, но для его осуществления постпамять должна исключить возможность ресентиментного мышления, в области которого лежат её ключевые риски. Преобразованная и скорректированная постпамять сохраняет опосредованную память о травме: травма может быть нейтральной частью идентичности, но не должна выступать как актуальный и самовоспроизводящийся травмирующий опыт. Потому концепция постпамяти нуждается в страховке: рефлексивных инструментах, которые, прежде всего, позволят обнаружить дистанцию между травматическим опытом и актуальной реальностью, необходимую для запуска процедур признания и/или прощения.

Представляется, что наиболее полно этим требованиям отвечает этика дискурса. Во-первых, этика дискурса базируется на принципах формального урегулирования между акторами, то есть обладает изначальной нейтральностью. Во-вторых, этика дискурса допускает возможности участия в диалоге акторов с различным онтологическим статусом, что особенно важно в работе с прошлым. В-третьих, этика дискурса является постконвенциональной моральной теорией, а значит, не требует окончательного содержательного консенсуса при решении спорных вопросов и допускает возможность урегулирования проблем и при отсутствии полного содержательного согласия между акторами.

Названные характеристики позволяют предположить, что применение этики дискурса будет продуктивно в области постпамяти, и наметить путь развития последней как переход от ресентиментного мышления к дискурсивной этике травмы.

Источники и литература

- 1) Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. М. : Новое издательство, 2021. С. 7–8.
- 2) Ницше Ф. К генеалогии морали. Соч. в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. С. 424.